

А 261
356

КНИГА РАЗДУМІЙ.

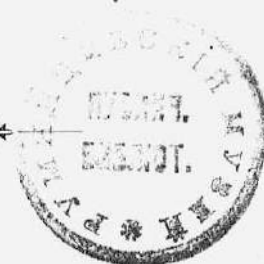
801-17
1813

К. Д. Бальмонтъ

Валерій Брюсовъ

Модестъ Дурновъ

Ив. Коневскоій

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К^о», Фонтанка 95.

1899.

Дозволено цензурою. Москва, 26 Марта 1899 г.

К. Д. Бальмонтъ.

Лирика мыслей и символика настроений.

82437-0

2011119903

Лирика мыслей.

1.

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ, и много
иного.

Въ этой душѣ создалось первозданное Слово!

Гдѣ, какъ не въ ней,

Замысли встали безмѣрною тучей,

Нѣжность возникла усладой пѣвучей,

Совѣсть, свѣтильникъ опасный и жгучій, —

Вспышки и блески различныхъ огней, —

Гдѣ, какъ не въ ней,

Бури проносятся мысли могучей!

Небо — не тамъ,

Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,

Гдѣ создаю я и снова создамъ

Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,

Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ, —

Пламенный знакъ моего постоянства, —

Небо — въ душевной моей глубинѣ.

Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
 Дивно и жутко — уйти въ запредѣльность,
 Страшно мнѣ въ пропасть души заглянуть,
 Страшно въ своей глубинѣ утонуть,
 Все въ ней слилось въ безконечную цѣльность,
 Только душѣ я молитвы пою,
 Только одну я люблю безпредѣльность,
 Душу мою!

2.

Но дикій ужасъ преступленія,
 Но искаженныя черты, —
 И это все твои видѣнія,
 И это — новый — страшный — ты?
 Въ тебѣ рождается величіе,
 Ты можешь бурями гремять,
 Изъ блѣдной бездны безразличія
 Извлечь и золото, и мѣдь.
 Зачѣмъ же ты взметаешь пыльное,
 Мутишь свою же глубину?
 Зачѣмъ ты любишь все могильное,
 И всюду сѣешь смерть одну?
 И въ равнодушіи надменности,

Свой духъ безмѣрно возлюбя,
 Ты создаешь оковы плѣнности: —
 Мечту — рабу самой себя?
 Ты — блескъ, ты — геній безконечности,
 Въ тебѣ — вся пышность бытія.
 Но знакъ твой, страшный символъ вѣчности, —
 Кольцеобразная змѣя!
 Зачѣмъ чудовище надъ бездною,
 И звѣрь въ лѣсу, и дикій вой?
 Зачѣмъ міры, съ ихъ славой звѣздною,
 Несутся въ пляскѣ гробовой?

3.

Какъ красный цвѣтъ небесъ, которыя не красны,
 Какъ разногласье волнь, что межъ собой согласны,
 Какъ сны, возникшіе въ прозрачномъ свѣтѣ дня,
 Какъ тѣни дымныя вокругъ яркаго огня,
 Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ
 дышитъ,
 Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себя
 не слышитъ,
 Какъ на поверхности потока бѣлизна,
 Какъ лотосъ въ воздухѣ, растущій ото дна, --

Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ
 заблужденья
 Есть сновидѣніе иного сновидѣнья.

4.

Жизнь — отраженіе луннаго лика въ водѣ,
 Сфера, чей центръ — повсюду, окружность — нигдѣ,
 Царственный вымыселъ, пропасть глухая, безъ дна,
 Вѣчность мгновенія — мигъ красоты — тишина.
 Жизнь — трепетаніе моря подъ властью луны,
 Лотось чуть дышащій, блѣдный любимецъ волны,
 Дымное облако, полное скрытыхъ лучей,
 Сонъ, создаваемый множествомъ, всѣхъ — и ничей.

5.

Какъ паукъ въ себѣ рождаетъ паутину
 И, тяжелый, создаетъ воздушность нитей, —
 Какъ художникъ создаетъ свою картину,
 Закрѣпляя мимолетное событій, —
 Такъ изъ вѣчнаго исходитъ міровое,
 Многосложность и единство бытія, —
 Міръ одинъ, но въ этомъ мірѣ вѣчно двое,
 Онъ, Недвижный, Онъ, Нежаждущій, — и я.

6. Майя.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
 Чамнакъ, цвѣтущій въ столѣтіе разъ,
 Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ.
 Мѣсяць за скалы проплылъ — и погасъ.

Въ темной пещерѣ задумчивый іоги,
 Магъ — заклинатель, блѣднѣй мертвеца,
 Что-то шепталъ, и властительно - строги
 Были черты сверхземнаго лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленье,
 Только прочелъ, и предъ нимъ, какъ во снѣ,
 Стали качаться, носиться видѣнья,
 Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
 Время, пространство, причина и цѣль,
 Пышность восторга, и сумракъ потери,
 Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы.
Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“.
Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Браны,
Ужась мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
Рушится съ гуломъ утесъ на утесъ,
Топотъ и ропотъ, мольбы и укоры,
Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
„Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!
„Жизнь — для незнающихъ, призракъ — для іоги!
„Майя, бездушный нѣмой океанъ!“

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей тренеталь.
Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
Чампакъ, цвѣтокъ вѣевой, отцвѣталъ.

7. Изъ Упанишадъ.

Все то, что существуетъ во вселенной, —
Окутано въ воздушную одежду,
Окружено Создателемъ всего.
Среди тѣней, въ движеніи сплетенныхъ,
Недвижное. есть Существо одно,
Въ неподвижности — быстрой, чѣмъ пламя мысли
Надъ чувствами оно царить высоко,
Хотя они, какъ боги, въвысь парятъ,
Стремясь достигъ того, что непостижно.
Оно глядитъ на быстрый токъ видѣній,
Какъ воздухъ — обнимая все кругомъ,
И жизненную силу разливая.
Недвижно движетъ всемъ; далеко — близко;
Оно внутри вселенной навсегда.
И кто проникновеннымъ взоромъ взглянетъ
На существа, какъ дышущія въ немъ,
И на него, какъ Генія Вселенной,
Тогда, понявъ, что слитна эта ткань,
Ни на кого не взглянетъ онъ съ презрѣньемъ.

8. ИзЗень-Аветы.

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
 И Тистрия. Гаома—богъ Безсмертья,
 Могучій Веретрагна—богъ Побѣды,
 И Тистрия—молніеносныхъ Бурь.
 Но выше ихъ есть богъ—Агурамазда,
 Онъ создалъ все, въ чемъ знаніе и жизнь.
 Молитва—дочь его; святое слово—
 Его душа; святое помышленье—
 Есть лучъ отъ солнца Правды запредѣльной,
 Есть отзвукъ сочетаній міровыхъ,
 Проникновенный взглядъ Агурамазды.
 Воздайте же Всевышнему хвалу!
 О, ты, всегда единый въ разныхъ формахъ!
 Пресвѣтлый богъ порядка, Ашаванъ!
 Агура, пышно-царственный властитель!
 Датаръ, создатель свѣта, богъ огня!
 Всевидящій, всевѣдущій, Маздао!

9. К. К. Случевскому.

Мы - раздроблённыя скрижали.

Случевскій.

Какъ же міръ не распадется,
 Если онъ возникъ случайно?
 Какъ же онъ не содрогнется,
 Если въ немъ начало—тайна?
 Если гдѣ нибудь за міромъ
 Кто-то мудрый міромъ править.
 Отчего-жь мой духъ, вампиромъ,
 Сатану поетъ и славить?
 Смерть свою живымъ питаетъ,
 Любитъ шабашъ преступленья,
 И кошмары созидаетъ
 Въ ликованьи изступленья.
 А едва извѣдавъ низость
 И насытившись позоромъ,
 Снова вѣритъ въ чью-то близость,
 Ищетъ свѣта тусклымъ взоромъ.

Такъ мы всѣ идемъ къ чему-то,
 Что для насъ непостижимо,
 Дверь завѣтная замкнута,
 Мы скользимъ, какъ тѣнь отъ дыма.

Мы отъ всѣхъ путей далеки,
 Мы вездѣ найдемъ печали,
 Мы запутанныя строки,
 Раздробленныя скрижали.

Ю. К. К. Случевскому.

Но развѣ тучи не рабы?

Случескій.

Нѣтъ рабства въ мірѣ, если все—одно.
 Самъ создалъ я неправду мірозданья,
 Чтобъ было ей въ грядущемъ суждено,

Пройдя пути измѣны и страданья,
 Вернуться вновь къ таинственной чертѣ,
 Гдѣ приметъ все иныя очертанья,

Гдѣ тѣ же мысли—вотъ—уже не тѣ.
 Такъ сѣрые пары, покинувъ травы,
 Возносятся къ безмѣрной высотѣ,

Ровняютъ тѣнь на доли, на дубравы,
 Ихъ свѣтель путь, ихъ манить гулъ борьбы,
 И радугой они предъ міромъ правы.

Нѣтъ, ты неправъ! Нѣтъ, тучи не рабы!

II. Символика настроеній.

1.

Валерію Брюсову.

Прорѣзавъ тучу, темную, какъ дымъ,
Послѣдній лучъ, въ предчувствіи заката,
Горитъ угрюмо,—онъ, что былъ живымъ
Когда-то.

Тѣсниной смутныхъ горъ враждебно сжата,
Одна долина свѣтомъ золотымъ
Еще живетъ, блистательно богата.

Но блескъ ушелъ къ вершинамъ вѣковымъ,
Гдѣ нѣтъ ни травъ, ни сновъ, ни аромата.
—О, да, я помню! Да, я былъ живымъ
Когда-то!

2.

Мой другъ, есть радость и любовь,
Есть все, что будетъ вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты,—

Мы только грезы Красоты,
Мы только капли въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цвѣтовъ
Неумирающихъ садовъ.

3.

Невозможно безъ страданій
Видѣть ликъ родной страны
Въ блескъ дальнихъ очертаній
Убѣгающей волны.

Невозможно не стремиться
Къ утонувшимъ берегамъ.
Но волна всевластно мчится,
Отдавая насъ волнамъ.

Невозвратно ускользая
По стеклу глубокихъ водъ,
Тѣни, жаждущія рая,
Мы всегда спѣшимъ впередъ.

Мы, какъ волны, убѣгаемъ,
Мы—какъ сказка прошлыхъ лѣтъ,
Утопаемъ, погибаемъ,
Намъ спасенья въ морѣ нѣтъ.

4.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
 Во мракѣ, но съ жаждою свѣта.
 И ужасъ внезапный объялъ ихъ сердца,
 Когда дождалися отвѣта.

Огонь появился предъ взорами ихъ,
 Въ обрывѣ лазури туманной,
 И былъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
 Но ужасъ объялъ ихъ неожиданный.

Какъ тѣни слѣпныя, закрывши глаза,
 Сидѣли они, засыпая.
 Хотъ спали—не спали, имъ снилась гроза,
 Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
 Но свѣтъ имъ былъ виденъ сквозь вѣки.
 И вѣчность раздвинулась, грозно-мертва:
 Все рѣки, безмолвныя рѣки.

На лонѣ растущихъ чернѣющихъ водъ
 Зажегся пожаръ безпредѣльный.
 Но спящіе призраки плыли впередъ,
 Дорогой прямой и безцѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвеца,
 Качался въ сверкающемъ дымѣ.
 И плыли они безъ конца, безъ конца,
 И путь свой свершили—слѣпыми.

5. Скорпионъ.

Сонетъ.

Я окруженъ огнемъ кольцеобразнымъ,
Онъ близится, я къ смерти присужденъ,—
За то, что я родился безобразнымъ,
За то, что я—зловѣщій скорпионъ.

Мои враги глядятъ со всѣхъ сторонъ
Кошмаромъ роковымъ и неотвязнымъ,—
Нѣтъ выхода, я смертью окруженъ,
Я пламенемъ стѣсненъ многообразнымъ.

Но вотъ хоть все ужаснѣй для меня
Дыханья неотступнаго огня,
Однимъ порывомъ полонъ я безболынымъ.

Я гибну. Пусть. Я вызовъ шлю судьбѣ.
Я смерть свою нашелъ въ самомъ себѣ.
Я гибну скорпиономъ—гордымъ—вольнымъ!

6. Южный полюсъ луны.

Южный полюсъ луны задремалъ, онъ уснулъ между
горъ величавыхъ,
Поражающихъ правильной формой своей.
Это мысль, заключенная въ стройныхъ ок-
тавахъ.

Эти горы живутъ безъ воды, въ полосѣ неподвиж-
ныхъ лучей,—
Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и лежащихся
отблескомъ страннымъ

На долины, что спятъ у подножія горъ,
Между кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтло-
тканыхъ,

Вѣчно—тихихъ, не тронутыхъ тьмой, и ничей не
ласкающихъ взоръ.

Эти страшныя горы горятъ неподвижностью вѣч-
наго свѣта
Надъ холоднымъ пространствомъ безжизнен-
ныхъ сновъ.

Это—ужасъ мечты, это—дума вѣковъ,
Запредѣльная жизнь красоты, безпощадная ясность
Поэта.

7. Птичка.

Воздушная птичка на окнѣ у меня
 На мгновенье присѣла, и запѣла, звеня,—
 Воздушная птичка не видала меня.

Закатъ запоздалый въ облакахъ догоралъ,
 Упоительно-алый, какъ небесный коралъ,—
 Забытый, усталый, я одинъ умираю.

Но сѣрая птичка, на раскрытомъ окнѣ,
 Все воздушнѣе пѣла о негаснущемъ днѣ,—
 О вѣчности свѣтлой въ неизвѣстной странѣ.

И тихо я умеръ, безъ печали земной,
 И замольшая птичка улетѣла со мной,—
 Смутившись внезапно неземной тишиной.

8. Вѣтви пасхальныя.

Вербы овѣяны
 Вѣтромъ нагрѣтымъ,
 Нѣжно взлелѣяны
 Утреннимъ свѣтомъ.

Вѣтви пасхальныя,
 Нѣжно-печальныя,
 Смотрятъ веселыми,
 Шепчутся съ пчелами.

Кладбище мирное
 Млѣетъ цвѣтами,
 Пѣніе клирное
 Лется волнами.

Свѣтло-печальныя,
 Пѣсни пасхальныя
 Сердцемъ взлелѣяны
 Вѣчнымъ овѣяны.

9. Влага.

Съ лодки скользнуло весло,
Ласково млѣетъ прохлада.
„Милый! Мой милый!“ Свѣтло.
Сладко отъ бѣлаго взгляда.

Лебедь уплыль въ полумглу,
Вдаль,—подъ луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“
Полночь глядитъ съ небосклона.

10.

Ангелы опальные,
Свѣтлые, печальные,
Блески погребальные
Тающихъ свѣчей.
Грустные, безбольные,
Звоны колокольные,
Отзвуки невольные,
Отсвѣты лучей.

Взоры полусонные,
Нѣжные, влюбленные,
Дымкой обаймленные,
Тонкія черты,—
То мои несмѣлые,
То воздушно-бѣлые,
Сладко-онѣмѣлые,
Легкіе цвѣты.

Чувственно-песясны,
Дѣвственно-прекрасныя,
Въ страстности безстрастныя,
Тайны и слова.

Шорохъ приближенія,
Радость отраженія,
Нежный грѣхъ внушенія,
Дышащій едва.

Зыбкіе и странныя,
Вкрадчиво—туманныя,
Въ смѣлости неожиданныя,
Проблески огня,—
То мечты, что встрѣтятся
Съ тѣми, къѣмъ отмѣтятся,—
И опять засвѣтятся
Эхомъ—для меня.

Модестъ Дурновъ.

Красочные сны.

1.

К. Д. Бальмонту.

Ты помнишь, мы вмѣстѣ сидѣли
Высоко надъ уровнемъ водъ.
Свободные вѣтры шумѣли,
Тяжелыя тучи побѣдно надъ нами вели хороводъ.
Ладьи проносились,
Къ коралловымъ рифамъ—впередъ.
И черныя волны намъ подъ ноги бились,
Дробя голубой небосводъ.
И чайка носилась,
И тоже кричала—впередъ!
О, другъ мой, ты помнишь, какъ солнце катилось
Высоко надъ уровнемъ водъ?

2.

Красный и гордый цвѣтокъ
Прямо глядитъ на востокъ.
Птицы—тѣ къ югу летятъ,
Новой весны все хотятъ.
Сѣверъ въ снѣгахъ позабытъ.
Тучами западъ покрытъ.
Красный и гордый цвѣтокъ
Вѣчно глядитъ на востокъ.

3.

Въ башнѣ сѣдой—сводъ золотой,
 Полъ малахитовыхъ плитъ.
 Въ башнѣ пустой рыцарь стальной
 Въ каменной нишѣ стоитъ.

Солнце уйдетъ; мѣсяцъ всплыветъ;
 Чья-то встревожится тѣнь—
 Молить, зоветь... недостаетъ
 Страшныхъ, желѣзныхъ колѣнь.

Въ башнѣ сѣдой, полночью злой,
 Грубо растоптанъ былъ стыдъ,
 Ночью глухой, въ башнѣ пустой,
 Средь малахитовыхъ плитъ.

Алой зарей, мракъ голубой
 Согнанъ съ пунцовыхъ вершинъ.
 Рыцарь стальной, алой зарей,
 Въ башнѣ зажженъ, какъ рубинъ.

4.

Сходились они предразсвѣтной порою,
 Когда догорала луна въ небесахъ;
 Туманъ волновался надъ сѣрой водою
 И шумъ пролеталъ въ пробужденныхъ лѣсахъ.

Садилась она на песокъ и смотрѣли,
 Какъ тускляя горы явѣли вдали;
 Какъ тихо минуя песчанья мели,
 Въ лазурныя страны неслись корабли.

Онъ голову слабо ей клалъ на колѣни
 И снизу ловилъ затуманенный взоръ.
 По злачнымъ долинамъ растаяли тѣни
 И воды зардѣли хрустальныхъ озеръ.

И съ криками птицы надъ ними носились,
 И солнце лучи имъ бросало снопомъ.
 Ихъ щеки пылали; ихъ очи смежились,
 И шумнсе утро казалось имъ—сномъ.

5.

Сквозь шторы въ зеркальныя рамы
Зари занимались отливы...
У ногъ затуманенной дамы
Прощался любовникъ счастливый.

Любви надломилися крылья
Ничто ничего не желало,
Но все же ни силь, ни безсилля
Разстаться у нихъ не хватало.

Объятій, любовью спаленныхъ,
Они разорвать не умѣли;
А кружева шторъ озаренныхъ
Бѣлѣли, пунцовѣли, рдѣли...

Валерій Брюсовъ.

Раздумья.

1.

К Д. Бальмонту.

Я не боюсь ни Ночи, ни Зимы,
Молюсь увѣренно Зарѣ и Маю;
Что въ будущемъ восторжествуемъ мы,
Я знаю.

Я въ человѣкѣ Бога прозрѣваю.
Онъ вырвется—я знаю—изъ тюрьмы,
И міръ дойдетъ къ предсказанному раю.

Не страшно мнѣ и царство нашей тьмы,
Въ немъ чью то близость духомъ постигаю;
Я въ безднахъ не одинъ!—Что двое мы,
Я знаю!

2.

Я не знаю другихъ обязательствъ,
Кромѣ дѣвственной вѣры въ себя.
Этой истинѣ нѣтъ доказательствъ,
Эту тайну я понялъ любя.

Безконечны пути совершенства,
О, храни каждый мигъ бытія!

Въ этомъ мѣрѣ одно есть блаженство:
Сознавать, что ты выше себя.

— Презрѣнье—безстрастіе—нѣжность—
Эти три, вотъ дорога твоя.
И какъ сладко, умчавшись въ безбрежность,
Увидать за собою себя.

3.

Со всѣми мы братья,
Всѣмъ открыли объятя,
Звѣрямъ и тучамъ,
И пѣснямъ пѣвучимъ.
Всѣхъ любимъ, всѣмъ вѣримъ,
Смѣемся потерямъ,
И взоромъ незрячимъ
Лишь надъ вымысломъ плачемъ.

Смолкъ птичій голосъ,
Не шелохнется колосъ,
Запахло осокой,
Солнце высоко,
Мы дремлемъ въ покоѣ,
купаемся въ зноѣ.

Вѣтерокъ встрепенется,
Лѣсъ шелохнется,
Всѣ звуки мы слышимъ,
Травами дышимъ,
Намъ близки грозы,—
Небесныя слезы.

Внемлемъ мы полуночамъ,
А съ вѣтромъ хохочемъ,
Поемъ мы съ моремъ,
Ласкаемся къ зорямъ,
Не ищемъ снѣга,
Но и въ немъ есть нѣга.
Мы—текучія воды
На просторѣ природы.

4.

Еще надѣяться—безуміе.
Смирись, покорствуй и пойми;
Часами долгаго раздумія
Запечатлѣй союзъ съ людьми.

Прозрѣвъ въ ихъ душахъ благодатное,
Прости безсиліе минутъ:
Теперь уныло непонятное
Они, счастливые, поймутъ.

Такъ. Зная свѣтъ обѣтованія,
Звѣздой мерцающій въ ночи,
Подъ злобный шумъ негодованія
Смирись, покорствуй и молчи.

5.

Есть для избранныхъ годы молчанія,
Они придутъ.
Мы осудимъ былыя желанія,—
О, строгій судъ!

Но томленье о благѣ единственномъ
Не скажетъ намъ,
Какъ пройти переходомъ таинственнымъ
Къ инымъ мечтамъ.

Въ полумракѣ, гдѣ пропасти темныя,
Блуждаемъ мы
И отъ свѣта уходимъ, бездомные...
О, царство тьмы!

6.

Ни красокъ, ни лучей, ни аромата,
Ни пестрыхъ рыбъ, ни полумертвыхъ розъ,
Ни даже, сновъ минутнаго разврата,
Ни слезъ.

Потокъ созвучій всѣ слова унесъ,
За вечера видѣній вотъ расплата,
Но странно нѣжитъ эта мгла безъ грезъ.

Послѣдній лучъ въ предчувствіи заката
Влѣднѣетъ; ночь близка; померкъ утесъ...
Мнѣ все равно. Не надо—ни возврата,
Ни слезъ.

7.

Я прежде боролся, скорбѣлъ,
Но теперь я жду.
Я созналъ завѣтный предѣлъ,
Забилъ вражду.

Остановить, что быть должно,
Нѣтъ силъ.
Тому бороться смѣшно,
Кто побѣдилъ.

Если побѣда судьбой дана,
 Знай и смиришь.
 Такъ меня—безвольно волна
 Возносить въ высь.

8.

Я бы умеръ съ тайной радостью,
 Въ часъ когда взойдетъ луна.
 Овѣваетъ странной сладостью
 Тѣнь таинственнаго сна.
 Безпредѣльнымъ далямъ преданный,
 Тамъ, гдѣ меркнетъ свѣтъ и шумъ,
 Я покину кругъ извѣданный
 Повторенныхъ словъ и думъ.
 Грань сознанія и жалости
 Сердце дерзко перейдетъ,
 Въ вѣчной безднѣ безъ усталости
 Будетъ плыть впередъ, впередъ.
 И все новой, странной сладостью
 Овѣваетъ призракъ сна...
 Я бы умеръ съ тайной радостью,
 Въ часъ когда взойдетъ луна.

9. ТѢНЬ.

Madame, tout pour votre ombre!
 H. de Regnier.

О, когда бы я назвалъ своею
 Хоть тѣнь твою.
 Но и тѣни твоей я не смѣю
 Сказать: люблю.

Ты прошла недоступно небесной
 Среди зеркаль,
 И твой образъ надъ призрачной бездной
 Въ тотъ мигъ дрожалъ.

Онъ ушелъ, какъ въ нѣмую безбрежность,
 Во глубь стекла.
 И опять для меня—безнадежность,
 И смерть, и мгла!

10.

Et s'il revenait un jour...

M. Maeterlinck.

А если онъ возвратится,
 Что должна ему я сказать?
 — Скажи, что я и до смерти
 Его продолжала ждать.

А если онъ спроситъ, гдѣ ты...
 О, что я скажу въ отвѣтъ?
 — Отдай ему этотъ перстень,
 Ничего не сказавъ въ отвѣтъ.

А если онъ удивится,
 Отчего такъ темно теперь?
 — Укажи погасшую лампу,
 Укажи открытую дверь.

А если онъ спрашивать будетъ
 О томъ, какъ свѣтъ угасалъ?
 — Скажи, что я улыбалась,
 Боясь, чтобъ онъ не рыдалъ.

А если онъ и не спроситъ,
 Должна ли я говорить?
 — Взгляни на него съ улыбкой
 И позволь ему позабыть.

II. На новый колоколъ.

Пожертуйте, благодѣтели,
 На новый колоколъ,
 Гласъ Господень.
 Звонъ колокольный
 Съ призывомъ ангельскимъ
 Дивно сходень.

Святые отшельники
 Въ видѣньяхъ слышали
 Ликъ небесный;
 Святые отшельники
 Все вѣрно запомнили,
 И призывы и пѣсни.

Нашъ звонъ православный
 Нашѣвомъ ангельскимъ
 Поетъ и трубитъ.
 Пожертуйте, православные,
 На новый колоколъ,
 Что милость будетъ.

Васъ Богъ не забудеть.

12. Демоны пыли.

Есть демоны пыли,
 Какъ демоны снѣга и свѣта.
 Есть демоны пыли!
 Ихъ одежда багрянаго цвѣта,
 Горитъ огнемъ.
 Но сѣрѣмъ плащемъ
 Они съ усмѣшкой ее закрыли.

Демоны пыли
 На шкапахъ притаились какъ звѣри,
 Глаза закрыли.
 Но едва запахнутся двери,
 Они дрожатъ,
 Дико глядятъ;
 Взметнутся, качнутся демоны пыли.

Гдѣ они побѣдили,
 Тамъ покой, тамъ сонъ, сновидѣнья,
 Какъ въ обширной могилѣ.
 Они дремлютъ, лежатъ безъ движенья,
 Притаеся въ углу,
 Не смотря въ мглу,
 Но помнятъ сквозь сонъ, что они побѣдили.

О, демоны пыли!
 Вы—владыки въ красочномъ мірѣ!
 О, демоны пыли,
 Ваша власть съ вѣками все шире!
 Вашъ день придетъ
 И все уснетъ
 Подъ тихое вѣянье сѣрыхъ воскрылій.

13.

Не только въ жизни боговъ и демоновъ
раскрывается могущество числа.

Изреченіе Пифагора.

Мечтатели, сибиллы и пророки
Дорогами, запретными для мысли,
Проникли внѣ сознанія далеко,
Туда, гдѣ свѣтятъ царственныя числа.

Предчувствіе разоблачаетъ тайну,
Проводникомъ нелицемернымъ свѣтитъ:
Едва откроется намекъ случайный
Объемлетъ насъ непересказный трепеть.

Вамъ поклоняюсь, васъ желаю, числа!
Свободныя, безплотныя, какъ тѣни,
Вы радугой связующей повисли
Къ раздуміямъ съ вершины вдохновенья.

14. Лейбницъ.

Когда вникаю я, какъ робкій ученикъ,
Въ твои спокойныя, обдуманныя строки,
Я знаю—ты со мной! Я вижу строгій ликъ,
Я чутко слушаю великіе уроки.

О, Лейбницъ! О, мудрецъ, создатель вѣщихъ книгъ!
Ты выше міра былъ, какъ древніе пророки.
Твой вѣкъ, дивясь тебѣ, пророчествъ не постигъ,
И съ лестью смѣшивалъ безумныя упреки.

Но ты не проклиналъ, и тайны отъ людей
Скрывая въ символахъ, училъ ихъ, какъ дѣтей,
Ты былъ ихъ дѣтскихъ сновъ заботливый хранитель.

А послѣ—буйный вѣкъ глумился надъ тобой,
И долго ждалъ ты часъ, назначенный судьбой,
И вотъ теперь встаешь, какъ Властный, какъ
Учитель.

15. Баязетъ.

Тимуръ, прочтя оскорбительное письмо
Баязета, воскликнулъ: «Сынъ Мурата сошелъ
съ ума».

Нѣтъ! не съ ума сошелъ Муратовъ сынъ,
Ошибся ты, хромецъ надменный!
Но онъ взревѣлъ, какъ вольный левъ долинь,
Узнавъ, что въ мѣрѣ есть еще одинъ,
Что дерзкихъ—двое во вселенной.

И степи дрогнули подъ звонъ копытъ,
И шумъ отъ спибки замеръ въ небѣ.
Покой пустыни воплями былъ сытъ,
Багряной кровью сумракъ былъ залитъ,
И грозно выпалъ вѣрный жребій.

16. Ассаргадонъ.

Ассирійская надпись.

Я вождь земныхъ царей и царь—Ассаргадонъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!
Едва я принялъ власть, на насъ возсталъ Сидонъ,
Сидонъ я ниспровергъ, и камни бросилъ въ море.

Египту рѣчь моя звучала какъ законъ,
Эламъ читалъ судьбу въ моемъ единомъ взорѣ,
Я на костяхъ враговъ воздвигъ свой мощный тронъ.
Владыки и вожди, вамъ говорю я: горе!

Кто превзойдетъ меня? Кто будетъ равенъ мнѣ?
Дѣянья всѣхъ людей какъ тѣнь въ безумномъ снѣ.
Мечта о подвигахъ какъ дѣтская забава.

Я исчерпалъ до дна тебя, земная слава!
И вотъ стою одинъ, величьемъ упоенъ,
Я, вождь земныхъ царей и царь—Ассаргадонъ.

17. Сибилла.

Пустыненъ берегъ тусклаго Аверна,
Дрожать кругомъ священные лѣса,
Уступы горъ отражены невѣрно,

И какъ завѣса мутны небеса.
Здѣсь, въ тишинѣ, въ пещерѣ сокровенной,
Внимая вѣчно чьи-то голоса,

Живетъ сибилла. Судьбы всей вселенной
Предъ ней проходятъ,—лица, имена
Смѣняются какъ сны въ игрѣ мгновенной.

И этой смѣной сновъ потрясена,
Сама не постигая ихъ значенья,
На свиткахъ записать спѣшитъ она

И звуки словъ, и вѣщія видѣнья,
Пророчества и тайны божества.
И пишеть, и дрожить отъ изступленья.

И въ ужасѣ читаетъ тѣ слова...
Но конченъ свитокъ, и со смѣхомъ, злобно

Она его бросаетъ, и едва

Успѣвъ взглянуть, беретъ другой подобный.
И пишеть вновь въ тревогѣ, чуть дыша.
А вѣтеръ скаль лепечеть стихъ надгробный,

Взвиваетъ свитки и влечеть, шурша.

18. Глаза.

На берегу Мерцающих Озеръ
Есть выступы, одинъ зовутъ Проклятымъ:
Тамъ смотритъ изъ воды унылый взоръ.

Здѣсь входитъ въ волны узкая коса;
Пройди до края въ часъ передъ закатомъ,
И ты увидишь странные глаза.

Ихъ цвѣтъ зеленый, но свѣтлѣй воды,
Ихъ выраженье—смѣсь тоски и страха,
Они глядятъ весь вечеръ до звѣзды.

И исчезая вспыхиваютъ вдругъ
Безцвѣтнымъ блескомъ, какъ простая бляха;
Темнѣютъ воды, пусто все вокругъ.

И возвращался сквозь ночной туманъ,
Дыша прибрежнымъ сильнымъ ароматомъ,
Ты склоненъ счесть видѣнье за обманъ.

Но не покинь Мерцающихъ Озеръ
И черезъ день подъ Выступомъ Проклятымъ
Ты вновь усмотришь неотступный взоръ.

Ив. Коневской.

Отъ солнца къ солнцу.

Къ пластину.

Сама себя снѣдающая сила,
Не знаю я спокойныхъ колоннадъ,
Гдѣ ужъ не разъ душа твоя вкусила
Дыханье вѣчно истинныхъ отрадъ.

По цѣлымъ днямъ ты солнце созерцаешь,
А я все жду восторженныхъ часовъ,
Межъ тѣмъ какъ ты торжественно бряцаешь
На арфѣ безглагольныхъ голосовъ.

Я въ зрѣлица вхожу неудержимо
И жду, куда мой путь меня умчить.
А ты стоишь и внемлешь недвижимо,
И духъ твой прямъ, и голосъ твой молчить.

Позналъ ты правду вѣчную кумировъ:
Въ крушеньяхъ міра только ихъ узналъ.
А я всегда лишь ронотъ буйныхъ клировъ
И страстный трепеть сердцемъ поминалъ.

Такъ я живу, всечасно пораженный
Сіяньемъ яркимъ, шорохомъ глухимъ.
Куда-жь несусь, дрожащій, обнаженный,
Крутясь, какъ листъ, надъ омутомъ мірскимъ?

Декабрь 1898.

2. Съ Коневца.

Соеродоточень, я живу въ себѣ
самомъ.

Алексѣй Толстой.

Я — варягъ изъ-за синяго моря,
Но усвоилъ протяжный языкъ,
Что, степному раздолію вторя,
Разметавшейся нѣгой великъ.

И великъ тотъ языкъ и обилень:
Что ни слово — уваловъ размахъ,
А за слогомъ, что въ словѣ усиленъ,
Бьются всплески и въ смежныхъ слогахъ.

Легкокрыло той рѣчи паренье,
И ясна ея смѣлая ширь.
А безпутное съ Богомъ боренье
Въ ней смиряетъ простой монастырь.

Но надъ этою ширію ровной
Примощусь на уступѣ скалы,
Уцѣпившись съ яростью кровной
За корявые сосенъ стволы.

Чудо — озеро, хмуро-сѣдое,
Пусть у ногъ ея бьется, шумить,

А за нимъ бытіе молодое
Русь въ безпечныя дали стремить.

И не дамся я тихой истомѣ,
Но очами вопьюся въ просторъ.
Все, что есть въ необъятномъ объемѣ,
Все впитаетъ тычинка — мой взоръ.

И въ лучѣ и все солнце постигну,
А въ просвѣтахъ березъ — неба зракъ.
На уступѣ устой своей воздвигну
Я, изъ-за моря хмурый варягъ.

Весной 1898.

3. Великомученица Варвара.

(Подпись къ иконѣ Нестерова).

Florestano Kallio.

Кручи, камни безплодные.
 Неба своды холодные.
 Бѣлый, тусклый, тоскующій,
 Чуждый жизни ликующей,
 Свѣтъ, безплотное чующій.
 Цвѣтики, свѣту сродные.

Въ странныхъ ущеліяхъ дѣва живетъ.
 Вотъ она висится: Богъ неотступно зоветъ.

Нетлѣнно-бѣлоснѣжною
 Одеждой безмятежною
 Вкругъ стана вся закрылася.
 Лицо же растворилось
 Въ улыбку—и прилежную,
 И умиленно нѣжную,
 И на всѣ дни — безбрежную.

Приголубь меня, сердца больного родимая мать!
 Вознеси на улыбку своей, дай мнѣ духамъ внимать.

Изъ очей провидящихъ
 Хоть слеза скатилася,
 Но въ улыбку и она
 Тутъ же обратилася.
 Вглядываюсь въ ликъ ея,
 Чтобъ земная боль моя
 Въ глубь земли спустилася.

И отдаться готовъ безвозвратно, вполне,
 И нѣтъ тѣла на мнѣ, и нѣтъ вѣса во мнѣ,
 И мнѣ радостно дышется въ вольной странѣ.

4. Въ роды и роды.

Гдѣ тѣ колѣна съ соколинымъ окомъ,
 Которымъ проицалась даль небесъ?
 Они носились въ пламени глубокомъ
 Степей, какъ бѣсъ.

Махалъ надъ ними смуглыми крылами
 Онъ, бѣсъ лихой полуденной поры;
 Раскидывалъ надъ тягостными днями
 Ихъ онъ шатры.

И ночь сходила лунная, нагая.
 А все кругомъ, куда ни взглянешь, даль,
 И свалится въ пески, изнемогая...
 Луна — какъ сталь.

Хоть не было конца пути степному,
 Порой имъ зрѣлась въ воздухѣ мета.
 И стлалась ширь, и къ мареву цвѣтному
 Влеклась мечта.

Съ коней срывался, приникали ухомъ
 Они къ землѣ, дрожавшей подъ кономъ,
 И внятень былъ имъ, какъ подземнымъ духамъ,
 Рокъ, день за днемъ.

Имъ слышалось нашествіе незримыхъ
 Дружинъ за гранью глади голубой...
 Такъ снова — въ стремяна! Необоримыхъ
 Зовемъ на бой!

Сходились въ полдень призрачныя рати,
 Далече разносился бранный громъ,
 А къ вечеру ужъ нѣтъ безумныхъ братій:
 Ужь за бугромъ!

Яснѣ дня былъ взоръ ихъ соколиный,
 И не напрасно воля ихъ звала.
 Примчались-ли буйною былиной
 Во градъ изъ злата и стекла?

5. Дебри.

Владимиру В. Гинніусу.

I.

Не въ чистомъ полѣ я живу,
 Не въ стени ровной и прямой,
 Гдѣ просто все и наяву,
 Такъ мертвъ и свѣтелъ снѣгъ зимой,
 Гдѣ только колосъ шелеститъ,
 И только черноземъ изрытъ,
 А то — все гладко, все блеститъ,
 И воздухъ во всю ширь открытъ.

 Въ дубравахъ только живъ мой духъ,
 Приютахъ вьющихся тропинъ,
 Гдѣ шелестомъ исполненъ слухъ
 Отъ глушей темныхъ и кунинъ.
 О, сколько тихихъ тайнъ сулитъ,
 Когда крадется въ тѣнь дубовъ
 Трона — и сумракъ шевелитъ,
 И дышетъ сыростью грибовъ.
 И вотъ — подъ сѣнію листвы,
 Подъ сѣнью зелени густой,
 Ступаю я — среди молвы
 Широколиственной, святой.

Извивы тропъ, глубины кущъ
 Моей душѣ всего милѣй —
 Святилище дремучихъ пущъ,
 Гдѣ я пугливѣй и смѣлѣй.
 Ничто здѣсь явно не лежитъ:
 Все притаилось за угломъ,
 И чутко сердце сторожитъ
 Нежданный странный переломъ.
 Къ распутью рокомъ приведенъ,
 Я сталъ въ раздуміи, — какъ вдругъ
 Мелькнулъ палѣво, съ полудень,
 Какъ бы пещеры полукругъ.
 Соменулись вѣтви въ частый сводъ,
 У ногъ ихъ приютилась тѣнь,
 Рѣдѣя тамъ, гдѣ пройденъ ходъ,
 Гдѣ предугаданъ тайный день.

II.

Поляна! Вотъ избранный міръ,
 Завѣтный странника приютъ!
 Кругомъ — дубравной твари пиръ,
 Прозрачно хоры птицъ поютъ.
 Вотъ сокровенный тотъ затонъ,
 Гдѣ ткуются нити легкихъ думъ:

Его искалъ сердечный стонъ,
Открылъ навѣсовъ зыбкихъ шумъ.
И ясень, и таинственъ свѣтъ,
И кто къ полянѣ путь найдетъ? —
Пока одной душѣ привѣтъ
Она шепнетъ — о, сколько лѣтъ,
Какъ много тихихъ лѣтъ пройдетъ!
Покой и жизнь — на всемъ окрестъ.
Трава растетъ, и корни пьютъ.
Изъ дальнихъ странъ, изъ ближнихъ мѣстъ
Незримыя струи снуютъ. —
То углублюся я въ траву,
Слѣжу букашекъ и жуковъ,
То съ неба воздухъ я зову,
Лечу за стаей облаковъ...
Простерлась надъ поляной сѣть —
Паровъ невидимая ткань...
И гдѣ-то промелькнула лань...
И дню пора завечерѣть...
Трепещутъ вѣщце лучи
Въ просвѣтахъ линъ, на муравѣ.
Они ярки и горячи,
Они созрѣли въ синевѣ
Небесныхъ вольныхъ тѣхъ морей,
Что вѣчно въ вышинѣ шумятъ...

О, вечеръ, сниди же скорѣй:
Верхи деревъ тебя манятъ.
Онъ озарилъ, онъ опалилъ
Поляну заревомъ своимъ,
Съ собой листвы узоры слилъ —
Неоспоримъ, неодолимъ:
Опять открылся рокъ дневной;
Часъ чаянія лѣсъ проникъ,
Подъ осіянной вышиной
Украдкой крякнулъ лѣсовикъ.
Брожу въ сіяніи нѣмомъ,
Пугливо ждущемъ торжествъ...
И явственъ свѣтъ, и незнакомъ,
И замеръ чуткій духъ въ травѣ.
Свершится! шепчетъ чуткій духъ.
Раскрылся радужный чертогъ.
И такъ прозраченъ міръ вооругъ,
Что за стволами — нѣкій богъ.

III.

Все здѣсь онъ... Тѣнь его блеститъ.
Но онъ таится, нелюдимъ.
А свѣтъ пророческій дрожитъ
И таетъ теплый лучъ какъ дымъ.

Мгновенія летятъ стрѣлой,
 Горитъ завѣтной жизни часть,
 Плыветъ все выше день былой:
 Вѣнцы лишь млѣютъ, золотясь.
 И руки я туда простеръ.
 Куда горящій гость летитъ.
 За нимъ, томясь, стремится взоръ:
 Кругомъ ничто ужъ не блеститъ.
 Яснѣ, наги небеса:
 Рѣками въ нихъ излился свѣтъ.
 Но поблѣднѣлъ, чуть поднялся:
 Въ дубравѣ жизни жгучей нѣтъ.
 Покинуть въ сумракѣ больномъ,
 Я содрогнулся и вздохнулъ,
 На влажный мохъ упалъ ничкомъ
 И внялъ великій смутный гулъ.
 Вверху все такъ же твердь ясна,
 Но съ каждымъ вздохомъ все темнѣй —
 И дышетъ чащи глубина,
 И вѣетъ силою корней.
 Ужели-жь все обманъ? — и тамъ,
 Надъ лѣсомъ, свѣту не блистать?
 И рвется къ мертвымъ небесамъ
 Душа, — а ночь ползетъ, какъ тать.
 Въ уныньи я глаза смежилъ,

Но и внутри объемлетъ ночь,
 И мѣръ видѣній окружилъ,
 И гнать его душѣ не въ мочь.
 Сегодня обратился годъ.
 Играютъ тихо свѣтляки,
 А въ лонѣ дремотныхъ тѣхъ водъ
 Проплыли дѣвичьи вѣнки.
 Стрекозы блестками звенятъ,
 Свили русалки хороводъ,
 Ихъ тихо буки осѣняютъ,
 Какъ кровь зеленыхъ, свѣжихъ водъ.
 Гадаетъ лѣто о судьбѣ.
 Въ ночи темно, въ ночи тепло...
 Къ его великой ворожбѣ
 Меня скитанье привело.
 Глаза раскрылись. Я вскочилъ
 И оглянулся... Гдѣ же свѣтъ?
 Сквозь вѣтви отблескъ чуть свѣтилъ.
 Въ лѣсу все — шага ночи слѣдъ!
 Поляна та же... Какъ тиха!
 Еще и тише, и звучнѣй...
 А на душѣ все холоднѣй:
 Тоска чутка, тоска глуха.
 Всѣ — и свѣтилъ небесныхъ тѣмъ,
 И травы ждуть васъ изъ кустовъ:
 Такъ что-жь таиться, вѣдьмы тѣмъ?

Ужь объявляйтесь... Духъ готовъ.
И мы дождались... Вдругъ пахнулъ
Безвучный вѣтръ, какъ духъ листвы,
Въ кусты, въ ихъ тѣнь меня шатнулъ;
Изъ нихъ вспорхнула тѣнь совы.

IV.

Вѣдь въ кущѣ каждой есть тайникъ,
А за кустомъ залегъ оврагъ,
И тамъ поетъ, живетъ родникъ,
А я въ кустахъ надъ нимъ поникъ,
И мнѣ онъ шепчетъ: глубже лягъ!
Родникъ и плещетъ, и поетъ
Въ лощинѣ дикой и крутой,
И травы влага обдаетъ,
И ужъ дышу я влагой той.
Полина плачетъ надо мной.
Деревьевъ сонмъ угрюмъ и свѣжъ,
И тянетъ въ глубь оврагъ лѣсной...
Ахъ, папоротникъ все шальной!..
А небеса — ужели тѣ-жь?
Влечетъ болотистый ручей
Въ меня студеныя струи...
Но живъ нетлѣющій Кощей,
И живы пращуры мои.

Зимой 1897—1898

6. Море житейское.

Kant: Kritik der reinen Vernunft.
И гадъ морскихъ подводный ходъ.

Пушкинъ.

Откуда, откуда, изъ темной пучины
И смутныхъ и свѣтлыхъ годовъ
Мелькнули подводнаго міра картины
Съ забытыхъ и дѣтекихъ листовъ?

* * *

Все—синія хлиби, открыты, пустынно...
Строй раковинъ строго-нѣмой...
Кораллы плетутся семьей старинной
Полиповъ, семьей вѣковой.

* * *

И звѣзды морскія, и звѣзды морскія:
Зеркально и влажно вокругъ,
И снятся чертоги, чертоги такіе,
Что весь занимается духъ.

* * *

Читалъ вѣковыя я мудрости въ книгѣ,
Гдѣ духъ по предѣламъ плыветъ.
И вотъ, мнѣ припомнились мертвые бриги,
Глубоко подъ пологомъ водъ.

Я вашъ, океаны земныхъ полушарій!
 Ахъ, снова я отрокъ въ пути,
 Я въ плаваньи дальнемъ въ страну араукарій,
 Я полюсь мечтаю найти.

* * *

И смотрять киты изъ волнистаго лона
 Тѣмъ взоромъ нѣмымъ на меня,
 Съ которымъ встрѣчался преступный Иона,
 Что въ чревѣ томился три дня.

* * *

Я вашъ, я вашъ родичъ, священные гады!
 Влекомъ на невѣдомый югъ,
 Вперяю я взоръ въ водяныя громады
 И вижу морской полуокругъ.

* * *

О, правьте же путь въ земли гипербореевъ,
 Въ міръ смерти блаженной, морской.
 За мною, о юныя чада Нереевъ,
 Вкушать вождельный покой!

7. Въ море.

Посв. П. П. Конради.

Съ душой, насыщенной вѣками размышленій,
 Съ чужими образами, красками въ умѣ,
 Которыми я жилъ въ стѣнахъ, въ домашнемъ плѣнѣ,
 И брежилъ блѣдный свѣтъ въ привычной полутьмѣ;

Тебя почувялъ я и обнялъ взоромъ, море!
 Ты обдало меня, взяло и унесло...
 И легокъ я, какъ лучъ, какъ искра въ метеорѣ,
 И жизнь моя—вода: въ ней—сумрачно-свѣтло.

Все вѣтеръ да вода... И ясно все и сумно.
 Гдѣ умозрѣній ткань? Молчить, но явнѣ міръ.
 И вьются помыслы такъ рѣзво и безумно,
 Туда, за даль, гдѣ мысли—вѣчный пиръ.

8. Памяти встрѣчи.

Она стояла прямо, ясно,
 Она была изъ юныхъ странъ,
 И жизнью свѣтлой, жизнью страстной
 Жиль такъ же ликъ ея, какъ станъ.

Улыбка зыбилась нѣмая
 На блѣдныхъ и густыхъ устахъ,
 Простую доброту скрывая
 За горечью, внушавшей страхъ.

Предъ этой блѣдной, свѣжей силой
 Зеленыхъ, какъ вода, очей
 Я трепеталъ, какъ предъ могилой
 Моихъ рѣшеній и рѣчей.

Но вскорѣ я собрался съ духомъ,
 Собралъ весь пылъ безумныхъ думъ
 И зналъ, что овладѣю слухомъ
 Той, чей привѣтный взоръ угрюмъ;

Что сфинксъ откликнется на пѣнье
 И странный бредъ мечты моей,
 Почуя въ немъ и тѣ видѣнья,
 Чтò надъ водами льнули къ ней.

Я не любилъ, но какъ стремился
 Любить: мой духъ кипѣлъ, творя,
 И ждалъ, чтобъ дѣвѣ онъ явился,
 Какъ налетѣвшая заря.

Но снова носится безцѣльно
 Она по пустошамъ земли,
 Не внявъ тому, чтò такъ смертельно
 Къ ней мчится изъ моей дали.

9. По днямъ.

Сіяющіе дни, родныя встрѣчи
И днесъ, и искони,
Постигну-ль тайну ясной вашей рѣчи,
Сіяющіе дни?

Когда по стѣнамъ алый отсвѣтъ взглянетъ,
Взыграетъ тусклый свѣтъ,
А въ небесахъ волна золотая встанетъ,
И явны дали лѣтъ.—

Откуда мнѣ сіе?—я вопрошаю...
Я вижу жизни путь,
И всю его невидимость вкушаю,
Внемя, какъ дышетъ грудь.

И путникъ я, подъ солнцемъ, на распутьи;
Вдали—туманный міръ!
Мнѣ радостно, и не дерзну дохнуть я,
Я духомъ смѣлъ и сирь.

И вѣетъ въ сердце дымеа свѣтлой дали—
Все тѣ же свѣты дня,
Что всходятъ вѣетъ въ таинственной печали,
Къ блаженству насъ маня.

10. Утренній привѣтъ.

Отпу.

Колыбели таятся въ кустахъ,
Тайна лона роднаго сквозить.
Въ ясномъ сумракѣ, въ сонныхъ листахъ
Фея чащи зеленой скользитъ.
Рдяный шаръ изъ-за облакъ встаетъ:
По стволамъ заиграли лучи.
Что въ лучахъ этихъ алыхъ поетъ?—
То младенческой жизни ключи!
То—невѣдѣнья свѣжій порывъ,
Для котораго все—впереди:
Онъ, еще ничего не отерывъ,
Небывалое чуетъ въ груди.
А ужъ выше Дажь-богъ молодой
Въ золотистомъ, нетлѣнномъ вѣнцѣ:
Ключевой онъ омылся водой,
Простота—въ его ясномъ лицѣ.

Въ дѣтскій рай обратилась земля.
 Къ рѣзвымъ играмъ лужайки зовутъ;
 Серебруются въ росинкахъ поля,
 Веселѣе тропинки бѣгутъ.
 Если на сердцѣ точно легко,
 Если думы ничуть не томятъ,
 Будемъ въ рошѣ мы пить молоко
 Или ягодъ вкушать аромать.

II. С и л ь.

Ө. А. Лютеру.

Миръ жизнью кинитъ

Кольцовъ

Вѣйте, силы Божія,
 Съ грознаго подножія!
 Разливайтесь чистыя,
 Ярыя, лучистыя!
 Станъ орловъ испуганныхъ,
 Дерзкихъ, непоруганныхъ,
 Прощумѣлъ надъ дикими
 Соснами великими.
 Воздухъ возмущается,
 Боръ сырой качается...
 Разыгрались буйные
 Вѣтры многоструйные.
 По горамъ — обители:
 Вамъ привѣтъ, родители!
 Ярѣ-хмель наливается,
 Вѣтеръ надрывается.

И цвѣтетъ веселіе,
 Рдѣетъ новоселіе.
 Воскъ сребристый топится,
 Гулы грома копятыя.
 Молніи, что свѣчи вы,
 Въ дрожь мечите плечи вы!
 Горы благодатныя,
 Тьмы вы, силы ратныя!
 Листва, ты — явленная
 Невѣста петлѣнная.

1897.

12. Сынъ солнца.

Александрю Б..

...Въ переливахъ жизни...
 Итъ безильной смерти,
 Итъ бездушной жизни

Кольцовъ.

I.

Ростъ и отрада.

Въ полуязыческой онъ росъ семьѣ
 И съ дѣтства свято чтить уставъ природы.
 Не принялъ вѣры въ ранніе онъ годы:
 Къ намъ выплылъ онъ пытателемъ въ ладѣѣ.
 И вотъ однажды, лежа въ забытѣѣ,
 Подъ деревомъ, въ безпечный мигъ свободы,
 Постигъ онъ жизни дѣтской хороуды
 И стрекозы благое бытіе.
 „Ты, стрекоза“, гласилъ онъ, „вѣкъ свой пѣла.
 „Смѣяться, итъ всю жизнь, — да, это дѣло,
 „И подвигъ даже; послѣ-жь—вѣчный сонъ“.
 А солнце между тѣмъ ему налило
 Вѣнецъ кудрей, суровый свѣтъ свой лило
 Въ отважный умъ—и наслаждался онъ.

II.

Средь волнъ.

И плавалъ онъ въ сверкающихъ волнахъ,
 И говорилъ: вода—моя стихія!
 Ныряя въ зыби, въ хляби тѣ глухія,
 Какъ тѣшился онъ въ мутныхъ глубинахъ!
 Тамъ онъ въ неистовыхъ терялся снахъ.
 Потомъ, стряхнувъ ихъ волшебства лихія,
 Опять всплывалъ, какъ божества морскія,
 Въ сознаньи ясномъ, въ солнечныхъ странахъ.
 Съ собой онъ брызги вынесъ изъ пучины.
 Мы брызгаться пустились, какъ дельфины,
 И ослѣпительный подняли плескъ.
 Я ослѣпленъ и одуренъ метался,
 Его же прояснялъ тотъ водный блескъ:
 Духъ въ лучезарныхъ взрывахъ разрастался.

III.

Снаряды.

Міръ тайныхъ силъ, загадокъ естества,
 Хвала вамъ, исполинскіе снаряды!
 Какъ рока пѣснь, что воютъ водопады,
 Держава ваша ужасомъ жива.

Здѣсь человекъ забылъ свои права,
 Нѣтъ упоенью дикому преграды,
 И у безличья молить онъ пощады,
 И въ хаосѣ кружится голова.
 Здѣсь весь нашъ міръ, здѣсь рокъ неумолимый,
 Какимъ-то жаромъ внутреннимъ палимый,
 Въ снарядахъ дивныхъ предо мной живетъ.
 Но царство то тѣснятъ родныя тѣни:
 Рокъ отступилъ подъ натискомъ хотѣній,
 Нашъ умъ его въ приспѣшники зоветъ.

Нижній-Новгородъ.
 (Машинный отдѣлъ Выставки).

IV.

Starres Ich.

С. П. Семенову.

Проснулся я среди ночи. Что за мракъ!
 Со всѣхъ сторонъ гнетущая та цѣльность,
 Гдѣ тонетъ пестрыхъ красокъ безпредѣльность:
 Все—хаоса единовластный зракъ.
 Пошелъ бродить по горницамъ я: такъ...
 Въ себѣ чтобъ чуютъ воли нераздѣльность,
 Чтобъ не влекла всеильной тьмы безцѣльность
 Смѣшаться съ нею въ безпросвѣтный бракъ.

Нѣтъ, не ликуй коварная пучина!
 Я — человекъ, ты — бытія причина;
 Но мнѣ святыня — цѣльный мой составъ.
 Пусть миръ сулитъ безличія пустыня —
 Стоитъ и въ смерти стойкая твердыня, —
 Мой ликъ, стихіи той себя не сдавъ.

V.

Отъ солнца къ солнцу.

И потому, сынъ солнца, ты неправъ.
 Въ стихійной жизни, въ полу-сиѣ громадномъ
 Я погружался взоромъ робко-жаднымъ,
 Но не сломилъ я свой строптивый нравъ.
 Ужели-же оцѣпенѣнемъ хладнымъ
 Уньнешься ты, о рѣзвый сынъ забавъ?
 Нѣтъ, обмороковъ нѣгу воспріавъ,
 Рванешся снова къ играмъ ты отраднымъ.
 Прильнувъ столь кровно къ роднику движенья,
 Ты не познаешь вѣкъ изнеможенья,
 Пребудешь ты ожесточенно-живъ,
 Отъ нашихъ свѣтовъ призванъ оторваться,
 Подъ новымъ солнцемъ будетъ наливаться
 Духъ вѣчно обновимый, какъ приливъ.

Осенью 1896.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

К. Д. Вальмонтъ.

Лирика мыслей.

	СТР.
1. Въ душахъ есть все	5
2. Но дикій ужасъ преступленія	6
3. Какъ красный цвѣтъ небесъ	7
4. Жизнь — отраженіе	8
5. Какъ паукъ	—
6. Майя	9
7. Изъ Упанишадъ	11
8. Изъ Зендъ-Авесты	12
9. К. К. Случевскому	13
10. К. К. Случевскому	15

Символика настроеній.

1. Прорѣзавъ тучу	16
2. Мой другъ, есть радость и любовь	—
3. Невозможно, безъ страданій	17
4. Иплыли они	18
5. Скорпіонъ	20
6. Южный полюсъ луны	21
7. Птичка	22
8. Вѣтви пасхальныя	23
9. Влага	24
10. Ангелы опальные	25

Модестъ Дурновъ.

Красочные сны.

1. Ты помнишь	29
2. Красный и гордый цвѣтовъ	—
3. Въ башнѣ сѣдой	30
4. Сходились они	31
5. Сквозь шторы	32

Валерій Брюсовъ

Раздумья.

	стр.
1. Я не боюсь ни Ночи, ни Зимы	35
✓ 2. Я не знаю другихъ обязательствъ	—
3. Со всѣми мы братья	36
✓ 4. Еще надѣяться — безуміе	37
5. Есть для избранныхъ	38
✓ 6. Ни красокъ, ни лучей	39
7. Я прежде боролся	—
8. Я-бы умеръ съ тайной радостью	40
9. Тѣнь	41
10. А если онъ возвратится	42
11. На новый колоколь	43
12. Демоны пыли	44
13. Мечтатели, сибиллы и пророки	46
14. Лейбницъ	47
15. Баязеть	48
16. Ассаргадонъ	49
17. Сибилла	50
18. Глаза	52

Ив. Коневской.

Отъ солнца нъ солнцу.

1. Къ пластику	55
2. Съ Коневца	56
3. Великомученица Варвара	58
4. Въ роды и роды	60
5. Дебри	62
6. Море житейское	69
7. Въ море	71
8. Памяти встрѣчи	72
9. По днямъ	74
10. Утренній привѣтъ	75
11. Силы	77
12. Сынъ солнца	79
I. Ростъ и отрада	—
II. Средь волнъ	80
III. Снаряды	—
IV. Starres Ich	81
V. Отъ солнца къ солнцу	82